

арестован Василий Тучков, один из „кровопивцев“, сопровождавших Софию в ее бегстве; после 1486 года попал в опалу и Иван Ощеря, выступавший на Угре против решительного сопротивления хану.¹ В такой обстановке рассказ Московского свода о событиях 1480 года приобретал особое звучание: рассказ этот, резко осуждая Казимира и братьев Ивана, вместе с тем объяснял колебания самого великого князя (отмеченные всеми летописями и хорошо известные современникам), перенося ответственность за эти колебания на „злых советников“.

* * *

Таким образом, мы приходим к выводу, что текст после 1479 года, дошедший до нас в составе Московского свода и сходных с ним летописей (Погод. 1409, БИЛ, Муз. 1512, с некоторыми отступлениями — Соф. I Царск.), представлял собой текст официального великокняжеского летописного свода. Чем же тогда объясняются те дополнения, которые делают к этому тексту Симеоновская и Воскресенская летописи (и отчасти Новгородская по Хронографическому списку), — дополнения, которые Шахматов выводил из недошедшего до нас официального свода, предполагая, что интересующий нас летописный текст был неофициальным? Обработка текста Московского свода в Симеоновской и других летописях — несомненный факт, но для того чтобы понять характер этой обработки, нам нужно учесть не только дополнения, имеющиеся в Симеоновской и Воскресенской летописях, но и сокращения, которые обнаруживаются в этих летописях по сравнению с Московским сводом.

Особенно ясно характер этой обработки выступает при сопоставлении рассказа об Угре в Московском своде и в Симеоновской летописи. Рассказ об Угре в Симеоновской (как и в Новг. Хрон. и некоторых других летописях) в общем несомненно близок к рассказу Московского свода (и имеет те же расхождения с Типографской летописью, что и Московский свод): здесь также читается вступительная часть, подчеркивающая роль братьев и соучастие Казимира в походе Ахмата; нет здесь утверждений (характерных для Типографской), что единственной причиной отступления татар была божья помощь. Однако наряду с этим рассказ Симеоновской летописи имеет и ряд отличий от рассказа Московского свода. Здесь, например, ничего не говорится о том, как архиепископ Вассиан, по поручению Ивана III, уговаривал братьев князя помириться с ним, обещая им территориальные уступки (Калугу и Алексин—Андрею);² не рассказывается, как митрополит и другие лица, находившиеся в Москве, „молили“ Ивана III „стоять крепко за православное христианство“.³ Наиболее же ярко разница между Московским сводом и Симеоновской летописью обнаруживается в том месте рассказа, где идет речь об окончательном соглашении между Иваном III и братьями после ухода Ахмата. Вот как читается это место в обоих текстах:

¹ ПСРА, XXIV, стр. 202—203; XXIII, стр. 162. Ср.: К. В. Базилович. Новгородские помещики из послужильцев, Истор. зап., т. 14, 1945, стр. 70—71. Тучков и Ощеря упоминаются в рассказе Софийской II—Львовской (ПСРА, VI, стр. 230).

² ПСРА, XXV, стр. 326; Погод. 1409, л. 125 об. Ср.: ПСРА, XVIII, стр. 266.

³ ПСРА, XXV, стр. 327; Погод. 1409, л. 127. Ср.: ПСРА, XVIII, стр. 268.